

МАРИЯ ХАЙНЦ

РАССКАЗЫ

Мария Хайнц

Рассказы

«Автор»

2014

Хайнц М. С.

Рассказы / М. С. Хайнц — «Автор», 2014

У него абсолютный слух, но он предпочитает тишину. Ее все принимают за сумасшедшую, но, может быть, все наоборот? У них была договоренность – любить, пока смерть не разлучит, но в жизни случается всякое. У всех героев моих рассказов есть шанс – измениться или остаться в прошлом. И выбор порой меняет все вокруг, в том числе в жизни тех, кто о них читает. У каждого есть шанс. В этой книге я собрала десять, по моему мнению, лучших рассказов, которые я написала за последние четыре года. Рассказы "Квартира на первом этаже" и "Бабушка Соня" были отмечены жюри на двух международных литературных конкурсах. Другие я отдаю на ваш суд.

© Хайнц М. С., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Квартира на первом этаже	5
Бабушка Соня	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мария Хайнц

Рассказы

Квартира на первом этаже

– Здравствуйте! Вы сдаете квартиру? – спросила женщина по-немецки торопливо, едва выговаривая слова.

– Берг. Добрый день, вы не ошиблись, – ответил мужчина в противовес ей медленно, растягивая каждое слово, как меха аккордеона. Он и на родном русском говорил не быстро, а уж на немецком и подавно.

– Трехкомнатная, на втором этаже, с первого августа? – чуть сбавив темп, продолжила женщина. Сильный акцент мужчины ее немного смутил. Снимать жилье в Германии у иностранца? Хотя какая разница, если квартира подходящая.

– Абсолютно правильно, госпожа...

– Шмидт, Хельга, – спохватилась женщина. Мягкая и вежливая манера мужчины говорить окончательно развеяла ее сомнения. – Если вы не против, мы сегодня с мужем вечером приедем посмотреть. Дайте, пожалуйста, адрес.

Мужчина все так же неспешно продиктовал адрес, записал телефон звонившей на случай, если у него что изменится, и положил трубку.

Молодая пара приехала, как и обещала, к восьми. На пороге квартиры их встретил высокий суховатый мужчина лет пятидесяти в аккуратно выглаженных черных брюках, облегающем джемпере и до блеска начищенных ботинках. Короткие, ровно подстриженные волосы напоминали круглую крону благородного, но уже порядком поредевшего от старости хвойного дерева. Можно сказать, типичный немец, образцово-показательный даже: ухоженный, вежливый, аккуратный. Вот только сильный акцент... Из-за него ли или по какой другой причине говорил Берг мало и слова использовал бережливо, будто через сито процеживал.

Где-то между длинным свежеекрашенным коридором и кухней Шмидт не удержался и спросил:

– Вы откуда, если не секрет?

– Из России, – отозвался Берг, показывая на окно кухни, из которого открывался вид на зеленый луг.

Шмидта, привыкшего к жизни в деревне, на природе, последнее ничуть не впечатлило.

– Русский немец? Переселенец? – продолжил он.

– Да... – ответил владелец квартиры, показывая кухню. – Технику приобретать не нужно: холодильник, посудомоечная машина, плита – все есть.

– И на квартиру уже накопить успели? – не унимался Шмидт.

– Нет, – Берг поморщился как музыкант, споткнувшийся на трудном пассаже, – я переехал недавно, три года назад. Квартиры: эта и внизу – мне в наследство достались от матери.

– Так-то я бы тоже переехал, – Шмидт по-доброму улыбнулся и подмигнул. – А занимаетесь чем? Работаете?

– Нет, не работаю... Хобби есть... Музыка...

– Играете или сочиняете? – подхватила госпожа Шмидт.

– Нет, не отваживаюсь. Все больше слушаю...

Берг оставил молодых на кухне и с облегчением выдохнул. Пустые разговоры... Болтовня... Предрассудки о переселенцах – они как гвозди в стене: даже если вынуть, все равно оставят зияющие дыры. А что вокруг них другое пространство есть, ровное, белое, и люди в нем совсем другого свойства, чувствительные и тонкие, – это недоступно их пониманию. Как

парным существам философию одиночки объяснять... Его философию, на которую он потратил всю жизнь. Нет... Быстрее сдать им квартиру и обратно на первый этаж – в свой храм чистоты, тишины и волшебной музыки.

Пошептавшись на кухне, молодые вышли, улыбаясь.

– Квартира нам понравилась. Мы согласны подписать договор, – Шмидт протянул широкую натруженную руку. Но Берг не ответил.

– Может быть, у вас есть к нам вопросы? – заволновалась госпожа Шмидт.

Один вопрос у Берга был, но настолько деликатный и даже неловкий, что он до сих пор не мог найти подходящий для него момент и форму. До рези в пальцах Берг натягивал словесные струны, настраивая их на правильное звучание. Не желая допустить фальши, он пробовал аккорды в различных тональностях, с диезами и бемолями, но идеальной мелодии все же не выходило. Опять мешали слова...

– Не считите за бестактность, – забормотал он, когда Шмидт нерешительно опустил руку, – я должен вас предупредить... – владелец квартиры говорил вполголоса, почти шепотом, прикрывая рукой рот, будто стесняясь собственных слов. – У меня есть одна особенность. Они, конечно, у каждого человека есть. В таких отношениях, как наши – соседских, я имею в виду – главное о них заранее предупредить, чтобы не было потом недоразумений. Я честно говорю, что... – он перешел почти на шепот. Лица посетителей напряглись, они подались всем телом вперед, ожидая услышать страшную тайну. Берг попятился назад и, лишь почувствовав за спиной холодную стену, понял, что отступать некуда. Он остановился и продолжил:

– У меня очень чувствительные уши – музыкальные. Живу я внизу, в квартире под этой, на первом этаже, а материал здесь, к сожалению, тонкий, – он постучал по стене, – все слышно.

Шмидт недоуменно пожал плечами и прогремел:

– Мы постараемся не шуметь. Так ведь, дорогая? – он улыбнулся жене. Та смущенно кивнула. – По рукам?

Шмидт снова протянул Бергу ладонь, но тот и сейчас не спешил закрепить соглашение рукопожатием.

– Что-то еще? – всполошилась женщина. – Говорите!

Берг опустил глаза, терзаясь сомнениями. Пора бы переходить к финальным аккордам, а он все еще плутал в увертюрных вариациях. Он молчал, ожидая, что подходящая фраза сама придет ему в голову, но та не торопилась. Как выразить словами неприязнь к словам? Как объяснить нелюбовь к ним, а заодно и ко всем их носителям, особенно к самым незрелым и несмышленным? Как растолковать другим то, причины чего он и сам до конца не понимал?

Неприязнь к словам у Берга сформировалась рано. Какое-то время он сопротивлялся ей вместе с воспитателями, логопедами и школьными учителями, но со временем подчинился внутреннему зову, сочтя словосложение деятельностью, ему не свойственной и по природе чуждой. Слова всегда несли с собой ненужное беспокойство, тревогу и страх. И Берг сторонился их, как назойливых соседей или родственников. Всю жизнь. Только здесь, рядом с больной, почти не говорящей матерью он нашел успокоение и гармонию. Год без суеты, любопытных соседей и вопросов знакомых о будущем, разговоров об отсутствии потомков и пресечении рода. Год в тишине, абсолютной чистоте, нарушаемый лишь волшебными мелодиями. Берг не смог вернуться назад. Продал все, что имел в России, и, никому ничего не сказав, спрятался здесь от суетного мира.

Молодые люди напряженно ждали.

– У вас дети есть? – наконец-то выдавил Берг.

– Нет, пока Бог не дал... – они грустно переглянулись.

Договор подписали на три года. Отдельным пунктом в разделе о расторжении внесли превышение уровня шума, установленного законом, и жалобы на то соседей, в том числе самого владельца квартиры. Трех предупреждений было бы достаточно для выселения.

Шмидты быстро перезнакомились с другими жителями подъезда и узнали от них, что Берга здесь называли не иначе, как «правильным привидением»: его видели крайне редко, а если он и покидал пределы своей квартиры, то тихо, незаметно, в точно отведенные часы. Он показывался на улице два раза в неделю – для утренней пробежки и поездки в магазин. Если бы не плотные занавески, которые он раздвигал ровно в восемь утра и сдвигал ровно в девять вечера, да изредка доносившаяся из-за массивной двери музыка, можно было бы подумать, что в квартире никто не живет – так тихо там было.

Говорили, что Берг – российский шпион, засланный разведкой для выполнения тайных заданий. Отсюда скрытность, нелюдимость и молчаливость. Послеобеденное время он проводит, слушая музыку, чем создает шумовую завесу для секретной работы. Доподлинно этого никто не знал, потому что за порог своей квартиры Берг никого не пускал, превратив ее решетками на окнах и дверью с тремя замками в своего рода неприступную крепость, чем лишь укрепил витающие вокруг него подозрения.

Для съемщиков Берг исключений не делал: проверки не докучал, плату просил переводить на счет, в беседы не вступал, к себе не приглашал. Заметив, однако, что женщина перестала ходить на работу, он забеспокоился.

– Уж не заболели ли вы, госпожа Шмидт? – спросил он ее, встретив на лестнице.

Она смутилась и опустила глаза на округлившийся живот.

– Вот, ждем пополнения семейства...

Берг побледнел и отшатнулся, будто кто-то невидимый ударил его перчаткой по лицу.

– Хорошее дело, – прошептал он.

– Мы постараемся не шуметь. Вы не волнуйтесь, – поспешила успокоить его женщина, но сосед, не слушая ее, отвернулся и медленно, пошатываясь, скрылся за дверьми квартиры.

С ней он больше не говорил, с ее мужем перекидывался фразами, не имеющими отношения к неизбежному, будто пытаясь отодвинуть его наступление. Малыш, однако, родился в срок, здоровым и горластым. Дом и родителей он принял безоговорочно, получал все необходимое по первому требованию и поэтому кричал мало, но если уж заходился ревом, то просыпались не только ближайшие соседи. Прогуливающиеся по улице владельцы собак вздрагивали от крика младенца и ускоряли шаг, подгоняя своих молчаливых послушных питомцев.

Официально никто не жаловался. Первый звонок в дверь молодой семьи раздался через полгода. Госпожа Шмидт, красная и растрепанная, с закатанными по локти рукавами, открыла и намеревалась отправить посетителя восвояси, чтобы одеть после купания малыша, но не решилась – за порогом стоял Берг.

– Добрый день, – произнес он вполголоса. – Надеюсь, не сильно помешал? Не займу много времени. Буквально несколько минут.

Женщина закивала, приглаживая руками спутавшиеся волосы. Малыш лепетал в ванной.

– Не буду ходить вокруг да около. Вам, наверное, некогда слушать мои опусы. Перейду к основному.

– Если недолго, я только что малыша искупала... – ответила она, с тревогой бросив взгляд в сторону ванной.

– Да-да... Простите, что отвлекаю такой мелочью, но у меня есть одна особенность, про которую я говорил, – Берг опять остановился, подыскивая подходящие слова, но, поймав на себе тяжелый как септаккорд взгляд матери, тут же продолжил, – чувствительные уши.

– Да. Что же с ними?

– В последнее время в вашей квартире стало очень шумно...

– Понимаете – ребенок, – женщина развела руками. – Если он кричит, его не сразу успокоишь. Неразумное существо. Я стараюсь как могу.

– Что вы, дело не в ребенке! Не в нем. Ребенок по закону наделен правами шуметь – это не в моей власти. Мне стук дверей мешает, стулья на кухне с железными ножками. Знаете, есть

резиновая лента. Ее можно наклеить на двери. Мягкие войлочные прокладки подложить под стулья. Они в строительном магазине...

Вопль малыша заглушил объяснения соседа. Мать ринулась в ванную и вернулась с завернутым в полотенце розовощеким мальчиком, трущим глазки.

– Спать захотел, – сказала она, тут же позабыв, о чем они только что говорили.

– В строительном магазине можно купить... – продолжил Берг, уставившись в пол. – И домашняя обувь...

Его объяснения прервал телефонный звонок.

– Простите, – всполошилась госпожа Шмидт. – Это может быть очень важно.

Она ринулась с ребенком в комнату, потом на кухню. Трубка продолжала мелодично напевать.

– Где же она?! – в сердцах воскликнула женщина. – Подержите, пожалуйста.

Она сунула малыша в руки соседу и скрылась в спальне. Берг застыл. Малыш, воспользовавшись отсутствием матери и замешательством соседа, потянул шаловливые ручки к его серебряной бороде. Та оказалась колючей и щекотала ручку. Малыш шлепал по ней ладошкой и заливисто смеялся. Берг не шевелился, лишь жмурил глаза перед очередным нападением маленького разбойника. Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп – не унимался тот.

Повинуясь какому-то странному чувству, Берг взял ручку малыша в свою, прижал ее к бороде, провел по ней, потом на секунду приподнял и опустил, только мягче. Мальчик улыбнулся, высвободил ладошку и повторил. Еще и еще. Берг застыл, ошеломленный. Это неразумное существо его понимало! Оно ему отвечало! Они говорили на языке без слов. Как в музыке, которая вдруг слышалась... Он вздрогнул, огляделся по сторонам. Окна были закрыты, лишь голос госпожи Шмидт раздавался из спальни комнаты. Мелодия не исчезала: тихая и нежная, постепенно нарастающая и снова утихающая, как морская волна, она накатывала на холодный скалистый берег, наполняя собой расщелины, трещины и пустоты. Не давая опомниться и поглубже вздохнуть, она уходила, оставляя на камнях живительную влагу, плодородную тину и соленый привкус облегчающей слезы.

Берга охватила паника, ему захотелось бросить мальчика и убежать, но музыка не отпускала. Она, рожденная его сознанием, вела в новый, неведомый доселе мир. Мир, о котором ему никто не рассказывал, о котором он не знал или не хотел знать. Мир пугающий, неизвестный и одновременно зовущий и прекрасный. Ему открылась потайная дверь, и ключ от нее он держал в руках.

– У вас прирожденный талант! – воскликнула госпожа Шмидт, выглянув из спальни. – Простите, что я так долго. Это с работы. Важный звонок. Он у папы так спокойно не сидит, как у вас. Наверное, опыт есть?

– Никакого, – Берг смущенно улыбнулся и осторожно передал малыша матери. – Первый раз маленького ребенка на руках держал.

– Удивительно! – госпожа Шмидт прижала к себе сына, по-прежнему тянувшего пухлые ручки к бороде соседа. – Так о чем мы? Вы про шум говорили... Обувь...

– Да так, ничего... Все это не очень-то и важно, – Берг махнул рукой и направился к себе, покачиваясь на каждой ступеньке в такт мелодии, слышимой только ему.

С тех пор сосед на шум не жаловался. Меньше его, конечно, не стало. Даже наоборот. Малыш научился ползать, хватать предметы и кидать их на пол, стучать ложкой по тарелке и совершать другие увлекательные громозвучные действия. Спектр желаний его ежедневно пополнялся, о чем он извещал мир требовательным криком. Берг ощущал не только это. Он просыпался теперь засветло вместе с малышом и ждал, когда мама, вняв его все нарастающим призывам, прижмет ребенка к теплой, полной молока груди. Насытившись, мальчик засыпал еще на час. Около восьми он сползал с кровати, пробирался на четвереньках на кухню и голосил, барабана по холодильнику кулачком. После завтрака мама с сыном выходила гулять. В это

же время, теперь каждый день, Берг наматывал круги по привычному «колясочному» маршруту госпожи Шмидт. Когда та направлялась домой, Берг помогал ей подняться на второй этаж и махал малышу рукой, пока его улыбающееся личико не скрывалось в квартире: наступало время послеобеденного сна.

Берг, убаюканный тишиной, дремал в кресле у компьютера и улыбался. Ему чудилась волшебная музыка, наполненная глубинным смыслом. Малыш опять сидел у него на руках, тербил его бороду, колот об нее свои пухлые ручки и заливался смехом. Берг крепко прижимал к себе его маленькое тельце, будто в один момент хотел ощутить все то, о существовании чего до недавнего времени представления не имел: он вдыхал запах материнского молока с легким ароматом свежей клубники, гладил мягкую, шелковистую кожу ребенка, удивлялся бессловесной игре озорного личика. Заливистый смех мальчика ласкал его абсолютный слух и казался прекраснее любой, самой совершенной мелодии. Потом мальчик пропал, и перед глазами Берга предстали лица из другой жизни – по ту сторону двери, за тремя засовами и решетками на окнах: девушек, с которыми он встречался в молодости, зрелых женщин, которые предлагали ему любовь и верность, но так и не родили детей – он их не хотел... – всех тех, кому он неизменно говорил «нет». Всех тех, кого он, не задумываясь, оставлял за дверью, отсекая разом любой намек на приближение, прикосновение чужого, тревожащего, опасного. С ревностью надзирателя он охранял квадратные метры идеального мира одиночки, которого сам сюда заточил.

Наверху раздался громкий крик. Берг вздрогнул, протер глаза и растерянно огляделся по сторонам. Станный сон...

Проснулся, маленький разбойник! Сейчас поест и поползет по квартире. Сначала в большую комнату, на журнальный столик. Нельзя! Бум. Конечно, больно, если упадешь. Теперь на лошадку. «Смотри, мама, как я могу!» Нет! Только сидя! Бум. Не кричит – мама подстраховала. Собираются гулять. Вышли в подъезд. Смеется. Требуется отпустить его руку. Хочет показать маме, как научился сам спускаться по лестнице. Осторожно, малыш! Вниз идти труднее, чем карабкаться вверх. Первая ступенька, вторая, третья. Один пролет готов! Молодец! Заход на второй. Ступенька, две, три. Бух! Не удержался! Сейчас заплачет... Но малыш не плакал. Раздался крик госпожи Шмидт.

Берг вскочил и открыл дверь. Соседка склонилась над недвижимым тельцем мальчика, бледная как привидение.

– Упал. Головой ударился. Вроде дышит, – бормотала она, глядя дрожащей рукой малыша по щеке.

– Пустите, я посмотрю, – сосед склонился над ребенком. – Я в больнице раньше работал. Малыш открыл глаза и испуганно заморгал.

– Вызывайте скорую, – скомандовал Берг. – Приготовьте вещи, документы на мальчика, страховку. Мужу позвоните из больницы, когда все выясним.

Госпожа Шмидт безмолвно повиновалась. Вернувшись с пакетом вещей, она нашла соседа с малышом в его квартире, в большой комнате на полу. Берг гладил мальчика по ладошке и напевал ему что-то трогательное, удивительно нежное и красивое. Ребенок молчал, хлопал глазками и внимательно слушал.

– Простите, что я его сюда принес, – виновато произнес сосед. – Здесь теплее и спокойнее. Я его завернул, чтобы не шевелился. Теперь пою вот... Он и плакать перестал. Похоже, с ним все в порядке. Песня моя его успокаивает.

– Я думала, ему музыка не нравится. От моих колыбельных он еще больше плачет. Что за песню вы поете? Я ее тоже выучу.

– Не знаю, – растерялся Берг. – Само собой как-то получается. Из головы...

Прибыла скорая. Мальчику поставили диагноз «сотрясение мозга» и доставили в больницу вместе с матерью для наблюдения.

Вернувшись домой, молодая семья известила владельца квартиры о переезде. Нашли более подходящий вариант – без лестниц. Берг подписал соглашение о расторжении без всяких возражений, ни словом не обмолвившись о том, что срок договора еще не истек, и взялся за поиски новых жильцов.

Квартиросъемщики не подходили – ни один. Лишь заслышав новый голос в телефоне, Берг морщился, воротил нос и, преодолевая нестерпимое желание отбросить трубку подальше, спешил сказать «нет». Когда звонили снова, он сообщал, что квартира уже сдана. Недвижимость простаивала, звонков становилось все меньше, а Берг все равно отказывал. И так бы продолжалось до бесконечности, если бы не мелодичный говорок женщины, позвонившей после недельной тишины.

– Добрый день! – сказала она по-немецки с легко узнаваемым акцентом. Берг приветствовал ее на русском, женщина с облегчением затараторила на родном. – Нам квартира ваша очень подходит. Мы уже несколько месяцев найти ничего не можем. Поэтому не откажите, если еще не сдали.

Пока Берг обдумывал, происходит ли женщина из вологодских селений или других, еще более северных – поморских, она говорила дальше.

– Сегодня подъедем посмотреть. Хотела спросить только, на каком этаже квартира. Лифт есть? У нас двойняшки годовалые. С ними двумя мне трудно будет спускаться и подниматься.

Берг улыбнулся. Удивительно правильным и неподдельно правдивым казалось ему все, что говорила эта женщина. Ее слова лились, словно колыбельная для новорожденного, в которой у каждой ноты была своя буква, у каждого аккорда – слово, у такта – фраза. Все идеально сходилось. Завороженный звучанием, Берг молчал. Ему хотелось слушать и слушать, и пускай будет громче и громче. Открыть дверь и окна, сорвать решетки и замки, чтобы впустить этот свежий ветер, напитать им каждый сантиметр пустой квартиры, каждую морщинку на одиноком теле и наполнить их жизнью, доселе ему неведомой, но ставшей вдруг нестерпимо близкой и желанной.

– Так что? Лифт есть? – повторила женщина нетерпеливо. Она уже было хотела положить трубку, когда раздался голос Берга.

– Лифта нет, – ответил он в своей неторопливой аккордеонной манере, – но вам не о чем беспокоиться. Квартира, которую я сдаю, на первом этаже.

Бабушка Соня

Бабушка Соня никогда не думала, что ей придется покинуть родную деревню, в которой она появилась на свет, выросла, подняла троих детей и похоронила мужа. Как старое скрипучее дерево уцепилась она корнями за землю и отпустить не собиралась ни при каких обстоятельствах, потому что была уверена – потяни ее на чужбину, потеряет она целительную силу родного чернозема и засохнет с горя. Закопают ее где-нибудь в песок рядом с тысячами безымянных деревянных крестов, и не обрести будет ей покоя в другом мире.

На деревенском кладбище, рядом с могилкой своего мужа, подводила она черту своей жизни – каждый день одну и ту же. Глядя морщинистой рукой холодный гранит, как раньше его руку, она обещала, что очень скоро вернется к нему. К нему и всем своим подругам, близким и дальним родственникам, которые один за другим переселились из полуразвалившихся деревянных деревенских домов сюда – под надежные каменные плиты и памятники. Здесь, среди знакомых и родных, бабушка Соня чувствовала себя как дома и проводила все свободное от хозяйства время, предпочитая мертвых живым. Она уходила вечером, чтобы вернуться на следующий день, и стремилась сюда каждой клеточкой своего немощного, облупившегося от старости тела, но, казалось, высшие силы, позаботившись обо всех ее близких, о ней позабыли.

Каждый день она ждала стука в дверь, но приходили все не те: соседки, у которых закончилась соль или мука, почтальонка два раза в неделю, раз в месяц – работник социальной службы и сельский доктор. Все в один голос твердили: «Нельзя вам, Софья Петровна, одной оставаться. Давление высокое. Если инсульт случится? Или инфаркт, как у вашего мужа? У вас же дети есть. Трое! Неужели они вас не возьмут?» Бабушка Соня проливала слезу по мужу и повторяла, что ничего с ней не случится, а если и случится, значит, час ее настал. Детей она уверяла, что сама справится и перезимует как-нибудь, а летом они в гости приедут, помогут подготовиться к следующим холодам.

С каждым месяцем призывы дочерей звучали все настойчивее. Они даже пообещали в случае чего привезти мать обратно и похоронить рядом с мужем, как она того хотела, но бабушка Соня не сдавалась. «Я привыкла справляться сама, – говорила она. – Да и что мне делать в городе? В деревне забот полон рот: огород прополоть, печку истопить, дров заготовить, состряпать, поесть, сходить в магазин. А в городе я заскучаю».

К началу сентября дети разъехались, оставив матери ворох таблеток и сотовый телефон, на который она смотрела как на забытую гостями диковинку и дотрагиваться до него по этой причине не смела. Как только он начинал тарабанить по столу и издавать странные звуки, бабушка Соня садилась к окну и отгораживалась от мира газеткой. Читать она особенно не любила, все больше смотрела вдаль – на темную гладь тихой речушки, пересекавшей деревню из одного конца в другой, и толстую плакучую иву – немую свидетельницу ее жизни. Она появилась на берегу в тот же год, что и дом бабушки Сони. Как сестры-близнецы, они учились друг у друга, подсматривали и повторяли: обзавелись детьми, разбросали свои ветки по берегу, прочно заняв огородную территорию. Они трудились, не покладая рук, никогда в жизни не болели, а даже если и прихварывали когда, привычки жаловаться не имели. Ревели безмолвно друг у друга на плече и выздоравливали. Бабушка Соня со временем так привыкла к своей ивушке, что и дня не могла прожить, чтобы не подойти к ней, не погладить по крепкому жилистому телу, не поделиться горем или радостью. Да и растение, казалось, прикипело к нареченной сестре плакучей душой – распушит ветки, раскроет объятия и спрячет свою любимицу на несколько минут под зеленым покрывалом. Та передохнет, умоется в реке и, наполнившись живительной силой дерева, дальше идет исполнять свой долг.

Лишь после похорон мужа, зачавив на кладбище, бабушка Соня на время позабыла про сестру, и ива стала сдавать. Река подмывала ее корни, тяжелые ветви все сильнее клонились

к воде, грозя увлечь за собой изможденное дерево. «Что же делать? – сокрушалась бабушка Соня. – Муж бы ее в раз повязал и за колышек зацепил. А у меня – ни сил, ни сноровки».

На улице завывало. Бабушка Соня накинула на плечи шаль и какое-то время сидела, покачиваясь в такт ветру. Она с тревогой вглядывалась в надвигавшуюся темноту, пытаясь сквозь крупные капли дождя разглядеть очертания дерева. Потом не выдержала, вытащила из под вороха одежды в коридоре дедову брезентуху, вышла в сени, сняла с гвоздя ключ и выбежала во двор. Мелкие ледяные градины колотили по жестяной крыше. Бабушка Соня на секунду остановилась, зажмурилась и, укрываясь капюшоном, ринулась к гаражу. Сюда она не заглядывала с тех пор, как ее муж упал на деревянные половицы, которые тем же днем ремонтировал довоенной стамеской. Он был в гараже абсолютным повелителем, не допускавшим никого в гарем из сотен маленьких отверточек, линеек, рулеток, пил, ножовок, шлифовальных шкурок и других одних ему понятных инструментов. Даже спустя много месяцев после смерти мужа бабушка Соня не решалась нарушить его неписанный закон. Но сейчас медлить было нельзя. Замок поддался без особых усилий. Дверь открылась легко, будто сам хозяин приглашал ее к себе.

Бабушка Соня нашла колышек, гвоздь, веревку, плотные рукавицы и засеменила к берегу. Дождь не переставал. Она попыталась одним движением руки забросить веревку подальше в реку, чтобы течение вынесло ее конец с другой стороны дерева. Брезентуха намокла, стала тяжелой и твердой. Бабушка Соня тяжело дышала и с трудом передвигала опухшие ноги. Она стянула брезентуху и бросила ее на землю. Ветер нещадно бил в лицо, ледяные капли дождя жгли лицо и руки. Длинные и тонкие, как плети, ветки ивы стегали спасительницу по щекам, будто противились помощи, будто хотели уговорить ее оставить все как есть – на милость природы и судьбы, но бабушка Соня не сдавалась. После нескольких безуспешных попыток ей удалось зашвырнуть веревку достаточно далеко, чтобы изловить ее с другой стороны. Спасительница победоносно вступила в осоку, сапог зачавкал, глотнув воды. Гроыхнуло...

Вокруг все зашаталось, завертелось, и вдруг наступила тишина. Бабушка Соня как завороченная смотрела на капли, падающие с неба, набухшую от хлынувшей из всех наполнившихся дождевой водой ручьев реку, но ничего не слышала. Она не могла двинуть ни рукой, ни ногой, потом как-то неловко осела на жидкую землю и завалилась на левый немеющий бок. «Вот и мой час пришел. Вот и ко мне постучались», – шептала старушка, улыбаясь. Она изо всех сил вцепилась правой рукой в толстую жилистую ветку ивы, молясь о том, чтобы ее тело не унесло разыгравшимся течением.

Очнулась она через пару дней. Рядом сидела старшая дочь Анна, у печки суеился зять Валентин.

– Ну как ты, мама?

– Я не умерла? – разочарованно спросила бабушка Соня.

– Нет, хорошо, что соседка тебя у реки заметила, – затараторила дочь, – Она позвала на помощь. Что ты там делала?

– Не помню, – соврала бабушка Соня. – Говорить трудно.

– У тебя случился инсульт.

– Парализовало? – спросила она, пытаясь пошевелить пальцами ног.

– Да, левую сторону. Доктор говорит, что у тебя хорошие шансы на восстановление, но одной тебе теперь оставаться никак нельзя.

– Придется ехать? – равнодушно спросила бабушка.

– Придется.

– Куда?

– Мы еще не решили, хотели тебя спросить.

– Я сделаю, как вы скажете. Лишь бы никому не мешать.

К концу недели в деревню прибыла вторая дочь – Лена с зятем Алексеем и сын Сергей со снохой Ирой. Начался семейный совет.

– К нам можно только долететь. Хлопотное очень это дело, – сказал зять Валентин в полголоса.

– К нам на поезде добираться. Она дорогу может не перенести, – вторил ему зять Алексей. – Да и на кого ее оставить, если нам нужно выехать? Мы на месте не сидим. У меня дача, я там целыми днями пропадаю, а свекровь теперь ни на минуту одну не оставишь. Смотрите, как она сдала, – он кивнул головой в сторону кухни, где почивала бабушка Соня, не подозревая, что в этот момент решается ее судьба.

– Понятно, я так и думала, – всплеснула руками сноха Ира. – Решили все повесить на меня. Мне придется за ней ухаживать.

– Мы будем помогать, – в один голос заявили дочери. – Материально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.